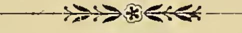
Veselovskii, IUrii Alekseevich

Kistorii bor'by s neviezhestvom i durnym vospitaniem v russkoi literaturie proshlago vieka

Юрій Веселовскій.

КЪ ИСТОРІИ
БОРЬБЫ СЪ НЕВѢЖЕСТВОМЪ
и
ДУРНЫМЪ ВОСПИТАНІЕМЪ
ВЪ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ
ПРОШЛАГО ВѢКА.

МОСКВА.
Типо-литографія Товарищества **И. Н. Кушнеревъ и К⁰,**
Пименовская улица, собств. домъ.
1899.

Къ исторіи борьбы съ невѣжествомъ и дурнымъ воспитаніемъ въ русской литературѣ прошлаго вѣка.

Еще въ дѣтскіе годы знакомимся мы всѣ съ остроумною картиною невѣжественной, грубой и отсталой помѣщичьей среды, которая сохранена для потомства въ «Недорослѣ» Фонвизина, смѣемся надъ забавными фигурами Цифиркина, Кутейкина, Вральмана и самого Митрофанушки, испытываемъ уже въ ту пору извѣстное негодованіе при видѣ жестокости и алчности г-жи Простаковой, радуемся, когда въ концѣ концовъ порокъ посрамленъ, добродѣтель торжествуетъ, избалованный, безобразно воспитанный недоросль долженъ идти на военную службу, Простакову берутъ подъ опеку, а Стародумъ заканчиваетъ пьесу не вполнѣ ясными, правда, дѣтскому уму словами: «вотъ злонравія достойные плоды!»

Немного позже попадаетъ къ намъ въ руки «Бригадиръ»,—и снова точно цѣлая портретная галлерея уродливо воспитанныхъ, невѣжественныхъ или полуобразованныхъ людей проходитъ передъ нами, привлекая наше вниманіе то своею отсталостью и грубостью, то смѣшными потугами щегольнуть своимъ сочувствіемъ всему французскому, поразить всѣхъ дѣланною развязностью, новыми словечками и костюмами. На школьной скамьѣ мы узнаемъ о той борьбѣ съ невѣжествомъ, дурнымъ воспитаніемъ, мнимою образованностью и уродливыми

явленіями, ею вызванными, которую вели сатирическіе журналы екатерининской эпохи, о «Письмахъ къ Ѳалалею», «Опытѣ моднаго словаря щегольскаго нарѣчія», выходкахъ «Кошелька» противъ галломаніи и обличеніяхъ невѣжественныхъ учителей—иностранцевъ, которыя такъ часто попадаются во «Всякой Всячинѣ», «Трутнѣ», «Вечерахъ», «Адской почтѣ» и другихъ журналахъ. Но что́ сдѣлала русская *поэзія* той эпохи для борьбы съ невѣжествомъ, уродливымъ воспитаніемъ, презрѣніемъ къ родному языку или порчею нравовъ, какое участіе приняла она въ защитѣ истинной культуры, роднившей между собою наиболѣе передовыхъ русскихъ людей второй половины XVIII вѣка, заставляя ихъ привѣтствовать всѣ мѣры правительства, которыя могли содѣйствовать осуществленію ихъ просвѣтительной программы,—обо всемъ этомъ мы и впослѣдствіи узнаемъ очень и очень мало! Изъ всего XVIII вѣка вспоминаются, при случаѣ, развѣ только отдѣльныя мѣста изъ одъ Ломоносова, проникнутыя сочувствіемъ наукѣ, сатиры Кантемира,— которымъ, въ этомъ отношеніи, сравнительно, очень посчастливилось, — двѣ-три фразы изъ какой-нибудь сумароковской притчи или басни Хемницера. Теперь, когда бо́льшая часть произведеній русскихъ поэтовъ и стихотворцевъ XVIII столѣтія издана вновь, составивъ первые шесть выпусковъ выходящей подъ редакціей С. А. Венгерова обширной поэтической хрестоматіи, быть можетъ, и несправедливая до сихъ поръ оцѣнка значенія русской поэзіи прошлаго вѣка—и, въ частности, елисаветинской и екатерининской эпохи, — какъ представительницы гуманныхъ и передовыхъ воззрѣній въ области образованія и воспитанія, измѣнится къ лучшему!

Если мы обратимся къ поэтическому творчеству такихъ писателей, какъ Сумароковъ, Майковъ, Петровъ, Костровъ, Княжнинъ, Николевъ, Хемницеръ, Капнистъ и другіе, мы найдемъ очень много цѣнныхъ и любопытныхъ данныхъ для характеристики той роли, которая имъ при-

надлежала въ борьбѣ съ умственнымъ мракомъ, дикими взглядами на воспитаніе, умѣніемъ схватывать въ иностранной культурѣ одну внѣшнюю сторону и пренебрежительнымъ отношеніемъ къ родному языку. Сумароковъ не разъ обличаетъ и громитъ въ своихъ «притчахъ» или басняхъ и въ своихъ «эпистолахъ» унаслѣдованное его современниками отъ прошлаго невѣжество, грубость нравовъ, непониманіе настоящаго смысла европейской цивилизаціи и равнодушное отношеніе къ образованію и наукѣ. Сторонникъ и подражатель «господина Вольтера», онъ возстаетъ противъ суевѣрій, которыя тогда полновластно царили въ невѣжественной массѣ,—понимая, конечно, это слово въ самомъ широкомъ смыслѣ, — и немного позже сдѣлались предметомъ осмѣянія въ различныхъ сатирическихъ журналахъ, во «Всякой Всячинѣ», «И то, и се», «Живописцѣ», «Поденьшинѣ» и др. [1]), а также въ отдѣльныхъ пьесахъ екатерининской эпохи, съ комедіей самой императрицы «О, время» во главѣ. У Сумарокова въ числѣ его «эпиграммъ» мы находимъ, напримѣръ, слѣдующее четверостишіе, направленное противъ тѣхъ, кто придерживается суевѣрій и боится просвѣщенія, какъ огня:

Преподлый суевѣръ отъ разума бѣжитъ,
И вѣритъ онъ тому, чему не надлежитъ:
Кто вздору всякому старается повѣрить,
Стремится предъ самимъ онъ Богомъ лицемѣрить [2]).

Негодуя при видѣ равнодушнаго отношенія окружающаго общества къ школѣ и образованію, Сумароковъ отмѣчаетъ и сохранившійся отъ старины взглядъ на женское образованіе, какъ на что-то совершенно ненужное, даже зловредное. Въ своемъ «Хорѣ къ превратному свѣ-

---

[1]) См., напр., одно изъ писемъ къ издателю „Живописца“ съ нападками на „кофегадательницъ“, эксплуатирующихъ народное невѣжество, отдѣльныя статьи „Поденьшины“, обличающія знахарей и ворожей, и т. д., и т. д.

[2]) Сочиненія Сумарокова, изд. 1781 года, часть IX, стр. 126.

ту», набрасывая картину идеальнаго устройства общественной жизни, которое будто бы сохранилось гдѣ-то далеко «за синимъ моремъ», онъ указываетъ на то, что «за моремъ учатся и дѣвки», и невольно лишній разъ вспоминаетъ при этомъ непригладную русскую дѣйствительность:

За моремъ того не болтаютъ,
Дѣвушкѣ де разума не надо,
Надобно ей личико, да юбка,
Надобны румяна, да бѣлила [1]).

Наряду съ этимъ, Сумароковъ не разъ сѣтуетъ на умственную отсталость тѣхъ слоевъ общества, представители которыхъ уже научились грамотѣ, прочли кое-какія литературныя произведенія, но судятъ вкривь и вкось, не понимаютъ истиннаго значенія писателей и на каждомъ шагу выдаютъ свою неразвитость и ограниченность. Его подчасъ тяготитъ сознаніе, что для такого общества, пожалуй, не стоитъ и работать, что невѣжество пустило слишкомъ глубокіе корни, и русскому литературному дѣятелю суждено встрѣчать поддержку только въ самомъ тѣсномъ кружкѣ цѣнителей словесности и просвѣщенія... Въ этомъ случаѣ его единомышленникомъ является столь многимъ ему обязанный, высоко ставившій своего учителя Василій Майковъ. Въ первой пѣсни его «Елисея или раздраженнаго Вакха» есть одно очень любопытное лирическое отступленіе; прерывая на время развитіе фабулы своей поэмы, авторъ съ негодованіемъ говоритъ о невѣжествѣ, царящемъ повсюду, о тѣхъ несправедливыхъ, но авторитетнымъ тономъ высказываемыхъ приговорахъ, которые произносятся надъ отдѣльными писателями, — произносятся притомъ зачастую малограмотными и неподготовленными людьми:

О, скоро ли уже такіе дни настанутъ,
Когда торжествовать невѣжды перестанутъ?

---

[1]) „Русская поэзія“, изд. подъ редакціей С. А. Венгерова, вып. II, стр. 263.

Нѣтъ, знать, скорѣй судьба мой краткій вѣкъ промчитъ,
Чѣмъ просвѣщеніе тѣ нравы излѣчитъ,
Которые вранья съ добромъ не различаютъ.
Иль воскресенія ужъ мертвыхъ быть не чаютъ
И не страшатся быть истязаны за то,
Что Ломоносова считаютъ ни за что?

. . . .

У славнаго пѣвца тѣмъ славы не умалитъ,
Когда его какой невѣжда не похвалитъ;
Преобратится вся хула ему же въ смѣхъ! [1])

Примѣры подобнаго осмѣянія или обличенія невѣжества мы можемъ, конечно, найти и въ произведеніяхъ многихъ другихъ писателей того времени. Извѣстно, какъ Державинъ изобразилъ безъ прикрасъ, — вспомнимъ его «Фелицу», — невысокій уровень развитія даже придворныхъ круговъ, ихъ равнодушіе къ успѣхамъ просвѣщенія, отсутствіе умственныхъ интересовъ, вкусъ къ грубымъ развлеченіямъ и преобладаніе матеріалистическихъ наклонностей. Княгиня Дашкова въ «Посланіи къ слову *такъ*» смѣется надъ тѣми «барами», которые громогласно заявляютъ: «ученіе есть вредно, невѣжество одно полезно и безбѣдно», и не стѣсняются прибавить къ этому, что «глупъ и Ломоносовъ», не обращая вниманія на то, что его имя почитается всѣми мыслящими русскими людьми [2]).

Еще болѣе сильную и смѣлую выходку противъ невѣжества, отсталости и суевѣрія, олицетворенныхъ въ видѣ злобныхъ божествъ, можно отмѣтить въ позабытомъ теперь «Письмѣ къ татарскому мурзѣ, сочинившему оду къ премудрой Фелицѣ», Осипа Козодавлева. Здѣсь, между прочимъ, описывается мрачный островъ, «проклятый небесами», «куда не проницалъ ни разу солнца лучъ»:

Исчадье мерзкое подземна бога тамъ
Построило себѣ желѣзный мрачный храмъ,
Невѣжествомъ оно издревле нареченно,

---

1) „Русская поэзія“, II, стр. 283.
2) „Русская поэзія“, IV, стр. 717.

Великимъ божествомъ невѣждами почтенно.
При входѣ въ сей чертогъ два стража вѣчно бдятъ,
Потупя внизъ глаза, со робостью стоятъ,
И глупость на челѣ, и подлость показуютъ;
Ихъ суевѣріемъ и рабствомъ именуютъ!
На тронѣ изъ свинца невѣжество сидитъ
И взоромъ внизъ тупымъ недвижимо глядитъ[1]).

Такъ умѣли клеймить умственный мракъ и бороться съ невѣжествомъ отдѣльные русскіе поэты и стихотворцы второй половины прошлаго вѣка. Но одновременно съ этимъ въ ихъ творчествѣ нерѣдко отражалось и стремленіе восхвалить, по мѣрѣ силъ, блага образованности, возвеличить литературу и науку, отмѣтить и подчеркнуть всѣ тѣ явленія, которыя свидѣтельствовали объ извѣстныхъ успѣхахъ культуры на русской почвѣ. Еще въ сороковыхъ годахъ прошлаго вѣка воспѣвалъ благотворное вліяніе науки Ломоносовъ; опять-таки на школьной скамьѣ мы прочитываемъ или даже учимъ наизусть такія строфы, какъ «Науки юношей питаютъ» и т. д. Но вѣдь Ломоносовъ былъ далеко не единственнымъ панегиристомъ образованности. Сумароковъ въ сатирѣ «О благородствѣ» восхваляетъ просвѣщеніе, доказываетъ, что «не можно никогда науки презирать» и ссылается на цѣлый рядъ правителей, высоко ставившихъ образованіе,—Перикла, Алкивіада, Александра Македонскаго, «храбраго, вѣнчаннаго Фридерика», Петра, и, наконецъ, Екатерину, которая «вновь науку насаждаетъ». Въ притчѣ «Лисица и статуя», посвященной Елисаветѣ Васильевнѣ Херасковой, онъ горячо отстаиваетъ идею женскаго образованія. Ермилъ Костровъ въ мадригалѣ, приложенномъ къ его «Одѣ преосвященнѣйшему Платону», выражаетъ ту мысль, что для Платона «единственная честь, чтобъ свѣтъ наукъ умножить, мракъ грубый уничтожить, Парнасъ россійскій превознесть», а въ «Стансѣ» поэтъ называетъ его «утѣ-

---

[1]) О Козодавлевѣ см. статью М. И. Сухомлинова въ 6-мъ томѣ его „Исторіи россійской академіи“.

хой смертныхъ рода», потому что онъ «немерцающій несетъ науки свѣтъ» [1]). Петровъ въ своей «Одѣ на торжество мира», относящейся къ 1793 году, провозглашаетъ науки «виновницами пользы и забавъ», «прямою славою земнородныхъ», «дщерями Мира», восхваляетъ притомъ, какъ словесныя науки, такъ и естественныя; по его опредѣленію онѣ—«испытательницы смѣлы эѳира, бездны, ада, звѣздъ» [2]). Хемницеръ въ баснѣ «Пчела и курица» защищаетъ литературу и, въ частности, поэзію, отъ нападокъ ея «пренебрегателей» и доказываетъ, что поэзія можетъ приносить пользу обществу [3]). Капнистъ въ «Сатирѣ первой и послѣдней» съ благодарностью отмѣчаетъ заботы Екатерины о просвѣщеніи народа:

Она науками Россіи жизнь даетъ,
И, воспитаніемъ распространяя свѣтъ,
Подъ сѣнію своей художества покоитъ;
Искусству, разуму покровы, храмы строитъ.

Весьма замѣчательное и симпатичное заступничество за науку и просвѣщеніе мы находимъ въ полномъ здравыхъ и широкихъ взглядовъ «Посланіи къ россійскимъ питомцамъ свободныхъ художествъ» Якова Княжнина. Здѣсь настойчиво проводится та мысль, что одного таланта еще недостаточно, что художникамъ, какъ и вообще всѣмъ развитымъ людямъ, нужно многому учиться и расширять свои познанія. «Не одаренный пространнымъ просвѣщеньемъ», «на вѣки ослѣпленный самолюбіемъ» талантъ, по выраженію автора «Росслава» и «Титова милосердія», «въ дикости своей пребудетъ укрѣпленъ». Онъ называетъ науки небесными чадами, назначеніе которыхъ «на крыльяхъ мудрости возвысить человѣка»; глубоко прочувствованными совѣтами и увѣщаніями

1) О Костровѣ см. книгу П. Морозова „Е. И. Костровъ, его жизнь и литературная дѣятельность“. Воронежъ, 1876.

2) „Русская поэзія“, II, 396.

3) „Полное собраніе басенъ и сказокъ И. И. Хемницера“, съ біографіей и портретомъ автора, Спб. 1894, изд. А. Суворина, стр. 131.

напутствуетъ онъ молодежь и, убѣждая ее работать для чести своей и Россіи, старается пробудить въ ней уваженіе къ наукѣ и образованію:

Напрасно будете безъ помощи наукъ
Надежду полагать на дѣло вашихъ рукъ;
Безъ просвѣщенія напрасно все старанье,
Скульптура—кукольство, а живопись—маранье.
. . . .
Сравняйтесь съ знаніемъ великихъ вы людей,
А безъ того иныхъ къ успѣху нѣтъ путей.
Художникъ завсегда останется безславенъ,
Художникъ безъ наукъ ремесленнику равенъ[1]).

Осипъ Козодавлевъ въ своемъ «Посланіи къ татарскому мурзѣ» прославляетъ Екатерину за то, что она «народъ свой просвѣщаетъ, училища въ градахъ и селахъ учреждаетъ»; невольно вспоминается здѣсь и посланіе Поповскаго «О пользѣ наукъ и воспитаніи юношества», съ похвалами Шувалову, какъ меценату, покровителю наукъ, другу музъ, «открывшему россійскимъ дѣтямъ двери въ Минервинъ храмъ». Просвѣщеніе кажется автору лучшимъ средствомъ для борьбы съ низкимъ уровнемъ общественной нравственности, для проведенія въ массу идей гуманности, честности и благородства. Подобныя мысли мы можемъ подчасъ встрѣтить и въ произведеніяхъ второстепенныхъ, лишенныхъ сколько-нибудь яркаго дарованія писателей той эпохи, — и проникнутыя сочувствіемъ культурѣ заявленія этихъ маленькихъ, незамѣтныхъ людей, въ извѣстныхъ отношеніяхъ, заслуживаютъ даже большаго вниманія, чѣмъ сходныя сентенціи, попадающіяся у современныхъ имъ корифеевъ литературы. Мы видимъ, какъ сочувствіе образованію начинаетъ захватывать все болѣе обширные круги, и люди средніе, пробившіеся не безъ труда къ свѣту, спѣшатъ излить свою радость по поводу пріобрѣтенныхъ ими знаній и прославляютъ благотворное значеніе науки въ общественной

---

[1]) Сочиненія Я. Б. Княжнина, изд. 3-е, Спб. 1817 г.

жизни... Такъ, Иванъ Виноградовъ, вышедшій изъ духовнаго званія, бывшій потомъ студентомъ учительской семинаріи, написавшій и переведшій длинный рядъ разнообразныхъ сочиненій, какъ прозаическихъ, такъ и стихотворныхъ, въ своей «Эпистолѣ Александру Петровичу Ермолову» убѣждаетъ послѣдняго трудиться на пользу просвѣщенія и предсказываетъ ему вѣчную славу, если онъ пойдетъ по этому пути. Въ очень симпатичныхъ по мысли, хотя и не всегда складно написанныхъ стихахъ онъ изображаетъ пользу наукъ для всѣхъ возрастовъ, развивая въ болѣе пространной формѣ извѣстныя сентенціи Ломоносова: «Науки юношей питаютъ, отраду старцамъ подаютъ» и т. д. Слава, добытая на войнѣ, ничуть не болѣе завидна, чѣмъ слава писателя, покровителя наукъ или дѣятеля на пользу просвѣщенія; имена Помпея и Цезаря окружены почетомъ, но Платонъ, Цицеронъ, Эвклидъ, Ньютонъ, Сократъ, Горацій и Виргилій не менѣе памятны и дороги всѣмъ мыслящимъ людямъ, потому что человѣкъ, «умъ имѣющъ просвѣщенный», можетъ предъявлять тѣ же права на безсмертіе, какъ наиболѣе знаменитые герои и правители всѣхъ вѣковъ. Такія мысли проводитъ въ своей эпистолѣ, которая относится еще ко времени его студенчества, второстепенный стихотворецъ екатерининской эпохи, сходившійся въ этомъ случаѣ съ главными литературными свѣтилами прошлаго вѣка. Совершенно то же высказываетъ другой, столь же мало извѣстный теперь писатель, Вуколъ Романовъ, который въ началѣ своего посланія къ митрополиту Платону воспѣваетъ науку въ духѣ Ломоносова, заимствуя у него даже отдѣльныя выраженія, напримѣръ: «Наука юношей, какъ мать дѣтей, питаетъ, Наука въ старости отрадой услаждаетъ» и т. д. [1]).

Съ подобными диѳирамбами наукѣ и просвѣщенію нельзя не сопоставить и сходныхъ съ ними по мысли заяв-

---

[1]) „Русская поэзія“, V, 70; VI, 337.

леній въ просвѣтительно-прогрессивномъ духѣ, которыя попадаются въ журнальныхъ статьяхъ прошлаго вѣка и вообще въ прозаическихъ сочиненіяхъ того времени. Упомянемъ для примѣра объ извѣстномъ «письмѣ Любомудрова» къ издателю «Живописца», гдѣ затронутъ вопросъ объ основаніи «Общества, старающагося о напечатаніи книгъ», причемъ въ самыхъ восторженныхъ выраженіяхъ доказывается великая польза книгопечатанія, дѣлающаго существенныя, неоспоримыя истины общимъ достояніемъ, искореняющаго предразсудки, суевѣрія и невѣжество [1]. Раньше этого Сумароковъ, обличая пороки судейскаго сословія, видѣлъ главную ихъ причину въ невѣжествѣ и, обращаясь къ Екатеринѣ II съ патетическими тирадами, убѣждалъ ее трудиться на пользу просвѣщенія. «Невѣжество есть источникъ неправды», восклицаетъ онъ, между прочимъ; «бездѣльство полагаетъ основаніе храма его; безумство созидаетъ оный; непросвѣщенная сила, а иногда и смѣсившаяся со пристрастіемъ, укрѣпляетъ оный. Разруши, государыня, разруши стѣны храма сего, повергни столпы его и разори основаніе. Созижди великолѣпный храмъ правосудія,—но прежде того, повели собирати потребныя ко знанію вещи и основати училища готовящимся исправити и наблюдати предпріятые премудростью твоею законы». Фонвизинъ въ «Челобитной россійской Минервѣ», «Письмѣ Стародума къ сочинителю Недоросля», «Разговорѣ у княгини Халдиной» и т. д. не разъ касается вопроса объ истинномъ просвѣщеніи, о значеніи литературы, призываетъ русскихъ писателей трудиться на пользу общества, разрабатывать родной языкъ, смягчать и облагораживать нравы.

Нельзя не коснуться здѣсь и очень интересныхъ, во многихъ отношеніяхъ, сочиненій Михаила Муравьева, просвѣщеннаго и развитого человѣка, теперь незаслуженно забытаго. Въ его діалогѣ «Владиміръ и Карлъ Великій»

---

[1]) „Живописецъ", изданіе 5-ое, Спб., 1793, часть II, стр. 52—57.

первый говоритъ, между прочимъ: «Такъ же, какъ ты, подалъ я поводъ къ первому исправленію отечественнаго языка и къ украшенію разума ученіемъ». Въ діалогѣ «Патріархъ Никонъ и архіепископъ Новгородскій Өеофанъ Прокоповичъ» на вопросъ Никона, «приведены ли, наконецъ, сіи подлые суевѣры (рѣчь идетъ о раскольникахъ) въ послушаніе церкви», сотрудникъ Петра отвѣчаетъ: «*Успѣхамъ просвѣщенія*, кроткой силѣ слова оставлено снять съ очей ихъ мракъ заблужденія. Повелѣвать совѣсти есть дѣло мучителя». «Послѣдуя стопамъ моимъ», говоритъ Горацій въ другомъ діалогѣ Муравьева, обращаясь къ Антіоху Кантемиру, «ты забавлялъ россіянъ и сказывалъ истину, смѣяся. Ты открылъ имъ поприще письменъ и останешься болѣе извѣстенъ тѣмъ, что былъ первый стихотворецъ своего народа, нежели тѣмъ, что ты представлялъ величество его въ Англіи и Франціи... *Письмена воспитываютъ чувствительное юношество, и обѣщаютъ народу просвѣщеніе, добродѣтели и счастіе*»[1]).

Борясь съ невѣжествомъ и отстаивая образованіе, русскіе стихотворцы прошлаго столѣтія не разъ касались и вопроса о дурномъ воспитаніи и его послѣдствіяхъ. Нельзя здѣсь не вспомнить, напримѣръ, весьма любопытную «Сатиру на развращенные нравы нынѣшняго вѣка» Николева. При чтеніи этой сатиры не разъ напрашивается сопоставленіе со многими статьями сатирическихъ журналовъ и съ нѣкоторыми комедіями екатерининскаго времени. Николевъ довольно долго останавливается на томъ легкомысліи, которое проявляли многіе въ окружающемъ обществѣ при выборѣ воспитателей для своихъ дѣтей, нерѣдко приглашая въ свой домъ людей невѣжественныхъ, безнравственныхъ, иногда прямо подозрительныхъ, съ темнымъ или позорнымъ прошлымъ [2]).

---

[1]) Сочиненія Михаила Никитича Муравьева, стр. 315, 376, 379, 381.

[2]) О томъ, что нападки на иностранныхъ воспитателей были справедливы, свидѣтельствуютъ, кромѣ извѣстныхъ записокъ графа Сегюра, и воспоминанія французскаго капитана Белькура. См. статью

Имѣвъ въ наставниковъ французскихъ поваровъ,
Или съ галеръ клеймомъ означенныхъ воровъ,
Несчастна молодость за дорогія платы
Что можетъ пріобрѣсть?... Учительски развраты,
Поклоны съ выжимкой, а правилъ никакихъ.
Безбожіе и ложь... вотъ просвѣщенье ихъ!
По сей премудрости устраиваютъ нравы,
Въ ней ищутъ юноши ума, забавъ и славы! [1])

Такъ обличали невѣжественныхъ, безнравственныхъ педагоговъ и лучшіе журналы прошлаго вѣка. Вспомните извѣстное «Письмо изъ Кронштадта», помѣщенное въ «Трутнѣ» и сообщающее, что «на сихъ дняхъ въ здѣшній портъ прибылъ изъ Бордо корабль; на немъ, кромѣ самыхъ модныхъ товаровъ, привезены двадцать четыре француза, сказывающіе о себѣ, что они всѣ бароны, шевалье, маркизы и графы, и что они, будучи несчастливы въ своемъ отечествѣ по разнымъ дѣламъ, касавшимся до чести ихъ, до такой приведены крайности, что для пріобрѣтенія золота, вмѣсто Америки, принуждены были ѣхать въ Россію». Эти подозрительные люди, жившіе въ «превеликой ссорѣ съ парижской полиціей», замѣшанные въ цѣлый рядъ некрасивыхъ поступковъ, явились въ Россію съ тѣмъ, чтобы сдѣлаться «учителями и гофмейстерами молодыхъ благородныхъ людей». «Любезные сограждане! спѣшите нанимать сихъ чужестранцевъ для воспитанія вашихъ дѣтей! Поручайте будущую подпору государства симъ побродягамъ и думайте, что вы исполнили долгъ родительскій, когда наняли въ учители французовъ, не узнавъ прежде ни званія ихъ, ни поведенія!» [2]) Въ «Кошелькѣ» также найдется немало сатирическихъ выходокъ противъ французскихъ учителей и гувернеровъ

Л. Майкова „Замѣтки француза о Москвѣ въ 1774 году" въ его „Очеркахъ изъ исторіи русской литературы XVII и XVIII столѣтій". Спб., 1889.

[1]) Русская поэзія, V, 801.

[2]) „Русскіе сатирическіе журналы 1769—1774 годовъ", соч. А. Аѳанасьева, М., 1859, и „Трутень", изданіе П. Ефремова, Спб., 1865.

въ духѣ сатиры Николева,—напримѣръ, письмо марсельскаго ремесленника къ своему сыну и описаніе подвиговъ «шевалье де Мансонжа», а разсказъ «Всякой Всячины» о французѣ, бѣжавшемъ за границу «съ напечатаніемъ герба распустившейся лилеи на спинѣ» и въ Россіи ищущемъ мѣста учителя, прямо напоминаетъ фразу Николева о «ворахъ, означенныхъ клеймомъ». Очень забавно обрисованъ въ «Вечерахъ» подобный же педагогъ, Пьеръ де Фаде, «лотерейный разнощикъ», поднявшій голову на русской почвѣ и выдающій себя за патентованнаго воспитателя. О фонвизинскомъ Вральманѣ, конечно, нѣтъ нужды распространяться, но можно вскользь упомянуть здѣсь о томъ французѣ, котораго княгиня Слабоумова въ «Выборѣ гувернера» хотѣла пригласить къ своему сыну, который прекрасно рѣжетъ мозоли и рветъ зубы, но не имѣетъ никакого понятія о педагогіи! Но, если вліяніе мнимыхъ педагоговъ вродѣ Вральмана или Бопре изъ «Капитанской дочки», который былъ выписанъ изъ Москвы «вмѣстѣ съ годовымъ запасомъ вина и прованскаго масла» и обязанъ былъ учить ребенка «по-французски, по-нѣмецки и всѣмъ наукамъ», могло въ конецъ испортить дѣтскую натуру, то не менѣе пагубнымъ было воздѣйствіе среды, неспособность родителей внушить дѣтямъ какіе-либо нравственные принципы, показать имъ хорошій примѣръ, который могъ бы имѣть воспитывающее значеніе. По мѣрѣ того, какъ новыя, болѣе гуманныя и широкія педагогическія теоріи, поддержанныя самою императрицею и ея сотрудниками, вродѣ Бецкаго, все чаще стали отражаться въ литературныхъ произведеніяхъ, съ особенною ясностью начало представляться то вредное вліяніе, которое могла оказывать невѣжественная и грубая среда, производившая такихъ субъектовъ, какъ Скотининъ, Простакова или отецъ Ѳалалея, изъ новиковскаго «Живописца», на подрастающее поколѣніе [1]). Невольно должна

---

[1]) Ср. статью „Слѣдствіе худого воспитанія“. „Живописецъ“, изданіе 5-ое, Спб., 1793, II, стр. 158.

была явиться мысль о необходимости обособить дѣтей отъ вреднаго воздѣйствія семьи, внушить имъ совершенно новыя нравственныя понятія, выработать постепенно «новую породу людей»,—по терминологіи того времени. Русская поэзія и въ этомъ случаѣ не осталась въ сторонѣ отъ общаго теченія; въ доказательство этого можно привести упомянутое уже нами посланіе Поповскаго «О пользѣ наукъ и воспитаніи юношества», обличающее, между прочимъ, «родителей о дѣтяхъ небреженье». Авторъ доказываетъ, что молодое поколѣніе не можетъ совершенствоваться, пока оно не видитъ въ семейномъ кругу примѣровъ, достойныхъ подражанія, а, наоборотъ, имѣетъ возможность научиться только одному плохому. Много ли есть такихъ родителей, — ставитъ себѣ вопросъ Поповскій,—которые бы учили дѣтей честности? Нѣтъ, большая часть своимъ «неправеднымъ житьемъ» указываютъ ребенку дорогу ко злу! Если отецъ дрожитъ надъ деньгами и жалѣетъ для нищаго полушки, можетъ ли сынъ быть безкорыстнымъ и щедрымъ? если тотъ будетъ открыто притѣснять слабыхъ и беззащитныхъ, привыкнетъ ли его ребенокъ къ жалости и состраданію?

Ты въ роскошахъ уснулъ, во сладостяхъ погрязъ,
Друзьямъ и недругамъ ты лжешь на всякій часъ, —
А хочешь, чтобъ былъ сынъ воздерженъ и умѣренъ,
Чтобъ тайну сохранялъ и въ словѣ былъ бы вѣренъ?
За то же ремесло, за кое и отецъ,
Примается и сынъ, смотря на образецъ.
Купеческій сынокъ смышляетъ, какъ взять втрое,
Смѣкаетъ, какъ продать за цѣлое гнилое,
О картахъ, и дитя съ слугами говоритъ,
Котораго отецъ за оными сидитъ.
Какъ язва, такъ примѣръ пороковъ переходитъ!

Мы уже имѣли случай видѣть, что произведенія второстепенныхъ стихотворцевъ екатерининскаго времени представляютъ иногда большой интересъ, какъ доказательство широкаго распространенія извѣстныхъ идей и воззрѣній. Точно такъ же и касаясь вопроса о нападкахъ

на дурное и безтолковое воспитаніе, мы не можемъ не остановиться, напримѣръ, на очень остроумномъ стихотвореніи Василія Санковскаго «Славная жизнь Гноримонова», которое, правда, написано не важнымъ слогомъ, но замѣчательно въ бытовомъ отношеніи, какъ весьма яркая и реальная картина воспитанія русскихъ недорослей изъ дворянъ. За 18 лѣтъ до знаменитой фонвизинской комедіи Санковскій въ своемъ совершенно позабытомъ теперь стихотвореніи такъ описываетъ юность типичнаго Митрофанушки:

Уже нашъ Гноримонъ пятнадцать лѣтъ имѣетъ,
А русской азбуки доселѣ не умѣетъ.
Онъ дѣлаетъ умно, чего еще хотѣть?
Забота лишняя надъ книгою потѣть.
У мальчика сего головушка больная,
Учиться грамотѣ болѣзнь ему двойная.
Живетъ наша юноша, имѣя двадцать лѣтъ,
Въ головушкѣ ума ни на полушку нѣтъ.
Онъ забавляется и спитъ всегда спокойно,
И талію держать умѣетъ очень стройно.
А чтобъ науками ума не повредить,
Не хочетъ въ школу онъ ни ѣздить, ни ходить,
И при себѣ держать учителя не хочетъ;
Съ природы онъ уменъ, о книгахъ не хлопочетъ! [1]).

Но здѣсь, очевидно, идетъ рѣчь о безусловно затхлой, совершенно незатронутой новыми вѣяніями средѣ, гдѣ въ лучшемъ случаѣ ребенокъ могъ попасть въ руки какого-нибудь Кутейкина или того Брудастаго, о которомъ вспоминаетъ въ своихъ запискахъ Даниловъ; но русскіе поэты прошлаго столѣтія еще чаще останавливались на характеристикѣ образа дѣйствій такихъ людей, которые уже что-то слышали о необходимости давать дѣтямъ воспитаніе, но положительно не знали, какъ за это приняться, и дѣлали поэтому рядъ ошибокъ. Иные брали къ своимъ сыновьямъ иностранцевъ-гувернеровъ,— и мы ви-

[1]) „Русская поэзія“, VI, 331, 361.

дѣли уже на примѣрѣ Николева, какъ поэзія прошлаго вѣка, вполнѣ солидарная съ комедіей и сатирическими журналами, осмѣивала этихъ самозванныхъ педагоговъ, отмѣчала ихъ вредное вліяніе на юношество,—иногда, быть можетъ, даже слишкомъ сгущая краски! Столь же опредѣленно высказалась она по вопросу о заграничныхъ путешествіяхъ, считавшихся тогда въ болѣе состоятельныхъ семьяхъ однимъ изъ лучшихъ средствъ для развитія и просвѣщенія юношества. Нужно ли вспоминать, какъ нѣкоторые журналы екатерининскаго времени нападали на эти путешествія, доказывая, что они приносятъ молодому поколѣнію сомнительную пользу? Въ «Трутнѣ», очень опредѣленно осуждавшемъ лишенныя всякаго контроля поѣздки молодыхъ людей за границу, было напечатано извѣстное сатирическое объявленіе: «молодого россійскаго поросенка, который ѣздилъ по чужимъ землямъ для просвѣщенія своего разума, и который объѣздилъ съ пользою и воротился уже совершенною свиньею, желающіе смотрѣть могутъ его видѣть безденежно по многимъ улицамъ сего города». Точно такъ же въ «Покоющемся Трудолюбцѣ» Новиковъ возставалъ противъ заграничныхъ поѣздокъ, доказывая, что русская молодежь должна, прежде всего, знакомиться съ своей родиной, а потомъ уже ѣхать за границу, что посылать неопытныхъ юношей въ чужіе края—нелѣпо. Въ томъ же духѣ высказывается Екатерина въ своей комедіи «Путешествіе Промотаева», главный герой которой, странствуя по Европѣ, заботился только о томъ, чтобы развлекаться и прожигать жизнь; съ нимъ сходится въ этомъ случаѣ Полкадовъ изъ комедіи «Вотъ каково имѣть корзину и бѣлье», гдѣ заимствованный у Шекспира сюжетъ соединенъ съ русскими бытовыми чертами. Въ комической оперѣ «Несчастіе отъ кареты» Княжнина выведены въ смѣшномъ свѣтѣ супруги Фирюлины, побывавшіе въ Парижѣ, презирающіе русскій языкъ («какое невѣжество, какія грубыя имена! какъ ими деликатесъ моего слуха повреждается!» говоритъ, напри-

мѣръ, самъ Фирюлинъ), считающіе своимъ долгомъ переименовать прикащика Клементія въ «Клемана» и пожаловать его «платьемъ французскаго бальи»... Фонвизинскій Иванушка слишкомъ хорошо знакомъ всѣмъ намъ; если авторъ и придалъ ему нѣкоторыя каррикатурныя черты, то въ основѣ своей обрисовка его характера все же вполнѣ соотвѣтствовала дѣйствительности, и этотъ хвастунъ и вертопрахъ, разсказывающій всякія небылицы о своемъ путешествіи въ Парижъ, былъ типичнымъ представителемъ недоучившейся молодежи, безъ всякой подготовки направлявшейся за границу. Замѣтимъ, что и въ «Выборѣ гувернера» княгиня Слабоумова задаетъ Сеуму вопросъ: «Почитаете ли вы за полезное, если мы сына отправимъ во Францію лѣтъ черезъ десятокъ», а присутствующій при разговорѣ Нельстецевъ въ рѣзкихъ выраженіяхъ громитъ французовъ, касаясь, между прочимъ, и революціонныхъ событій.

Возвращаясь къ произведеніямъ русскихъ стихотворцевъ, мы и здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, должны будемъ отвести почетное мѣсто Сумарокову, который не разъ касался поѣздокъ молодыхъ людей за границу, доказывая, что безъ настоящаго руководства молодежь мало чему можетъ научиться въ чужихъ краяхъ, а, наоборотъ, рискуетъ усвоить одну внѣшнюю сторону чужеземной жизни, погоню за модою, легкій взглядъ на нравственные вопросы, равнодушіе или презрѣніе къ родному языку [1]). Этотъ взглядъ отразился, напримѣръ, въ его притчѣ «Черепаха», гдѣ разсказывается, какъ одна черепаха рѣшила отправиться въ Парижъ и, чтобы приготовиться къ этому странствію, перестала употреблять русскій языкъ, принялась «и врать, и бредить по-французски», при чемъ, кто бы ни заводилъ

---

[1]) Въ 1782 году Бецкій составилъ образцовую инструкцію для молодыхъ людей, отправляющихся за границу; нельзя сказать, однако, чтобы она принесла особенно осязательные плоды... Аѳанасьевъ, „Русскіе сатирическіе журналы“, стр. 191.

съ нею разговоръ о Россіи, у нея на языкѣ были только эти три слова: «Парижъ, Версалья (sic!), Тюльери». Въ притчѣ «Вояжиръ-плясунъ» описывается возвращеніе изъ за границы молодого человѣка; на его поѣздку въ чужіе края его родители истратили большую сумму, между тѣмъ онъ не пріобрѣлъ тамъ никакихъ полезныхъ знаній, не получилъ никакого воспитанія, выучился только хорошо плясать, чѣмъ и хвастается передъ родными [1]). Очень рѣзко отозвался Сумароковъ о безцѣльныхъ поѣздкахъ за границу и въ «Хорѣ къ превратному свѣту»; за моремъ, въ воображаемой, идеальной странѣ «въ презрѣніи тѣ невѣжи», которые, долго странствуя по чужимъ краямъ, «чужестраннымъ воздухомъ некстати головы пустыя набивая, пузыри надутые вывозятъ». Мы увидимъ вскорѣ, что, высказывая подобныя мысли, Сумароковъ не хотѣлъ вооружаться противъ западной культуры вообще, которой былъ самъ столь многимъ обязанъ; онъ первый высказался бы за поѣздки въ чужіе края, если бы онѣ были разумно организованы и могли воспитывающимъ образомъ вліять на русское юношество. Въ четвертой пѣснѣ Майковскаго «Елисея» проводится сходная идея; поэтъ скорбитъ о томъ, что русскіе юноши ѣздятъ путешествовать только для того, чтобы вывѣдать, какіе въ чужихъ краяхъ употребляются «кафтаны, тросточки, башмаки, стеклышки, чулки, манжеты, пряжки», вмѣсто того, чтобы стараться изучить «права и доходы» Франціи, узнать, чѣмъ она «обильна и скудна», «какія ремесла, какія въ ней науки». Такимъ образомъ мы видимъ, что Майковъ возстаетъ только противъ уродливыхъ явленій, связанныхъ съ заграничными поѣздками. Значительно рѣзче и безпощаднѣе тонъ обличеній Николева въ его «Сатирѣ на развращенные нравы»; авторъ «Сорены» не видитъ уже абсолютно никакой пользы отъ путешествій во Францію:

---

[1]) Притчи Сумарокова, книга 2-я, XI; книга 5-я, LVIII.

Чтобъ, модѣ слѣдуя, въ угоду предразсудка,
Противу совѣсти и здраваго разсудка,
Чтобъ просвѣтить дитя, въ чужіе краи шлетъ,—
И скоро видимъ мы заморскихъ птахъ полетъ!
Дитя ужъ мужемъ сталъ, порядокъ знаетъ свѣтскій,
Но разумъ у него не выросъ, тотъ же дѣтскій.
Плодъ путешествія и отческихъ заботъ —
Въ единомъ вывозѣ несчетныхъ, странныхъ модъ;
Отправленъ баловнемъ, а возвращенъ уродомъ,—
Вотъ чѣмъ родителю похвастать предъ народомъ [1]).

Столь же рѣзко отзывается о путешествіяхъ Фонвизинъ въ своемъ стихотвореніи «Къ уму моему»; вся польза ихъ сводится, въ его освѣщеніи, къ тому, «чтобъ быть французскими изъ русскихъ дураковъ».

Возставая противъ невѣжественныхъ гувернеровъ и учителей, а также противъ путешествій во Францію, русскіе стихотворцы старались выяснить плохіе результаты нелѣпаго воспитанія, которые должны были непремѣнно сказаться впослѣдствіи. На первомъ планѣ стоитъ презрѣніе къ родному языку, вмѣстѣ съ снисходительными отзывами о Россіи, въ духѣ Иванушки изъ «Бригадира», который утверждалъ, что его духъ принадлежитъ коронѣ французской. Сумароковъ осмѣиваетъ въ одной изъ своихъ притчъ «подьяческую дочь», которая «ново-манерными словами говорила» и старалась вмѣсто русскихъ выраженій употреблять французскія; точно такъ же въ «Порчѣ языка» онъ подъ видомъ пса, который, побывавъ въ странѣ волковъ и медвѣдей, разучился лаять, началъ «говорить собакамъ непонятно», ревѣть по-медвѣжьи и выть по-волчьи, осмѣиваетъ людей, гнушающихся отеческимъ языкомъ. Отмѣтимъ еще шутливую выходку противъ галломаніи въ притчѣ «Французскій языкъ», въ которой иронически изображается благополучіе Франціи, гдѣ даже маленькія дѣти умѣютъ говорить по-французски, между тѣмъ какъ у насъ изученіе этого языка сопряжено

---

[1]) „Русская поэзія“, V, 801.

со столькими трудами и расходами... Но Сумароковъ, благоговѣвшій передъ французскою словесностью и культурою, подражавшій Вольтеру и Расину, не могъ быть, конечно, безусловнымъ врагомъ Франціи и ея языка; онъ осмѣивалъ только крайности, которыя не могли скрыться отъ его остраго и наблюдательнаго ума, и въ сатирѣ «О французскомъ языкѣ» высказалъ слѣдующія здравыя и справедливыя мысли:

Французски авторы почтенье заслужили,
Честь вѣку принеся, они въ которомъ жили,
Языкъ ихъ вычищенъ,—но всякъ ли Моліеръ
Между французами, и всякъ ли въ нихъ Вольтеръ? [1])

Дашкова въ «Посланіи къ слову *такъ*» смѣется надъ женщинами, которыя «французскія слова съ россійскими мѣшаютъ», и приводитъ забавный образчикъ ихъ рѣчей, въ которыхъ очень нескладно соединяются слова изъ двухъ языковъ. Съ большимъ талантомъ написано Княжнинское «Исповѣданіе Жеманихи, посланіе къ сочинителю *Былей и небылицъ*», крайне остроумное и малооцѣненное произведеніе, принадлежащее писателю, ставившему западно-европейскую культуру, въ истинномъ смыслѣ этого слова, очень высоко, многимъ обязанному иностраннымъ авторамъ, но отрицательно относившемуся ко всему каррикатурному и уродливому. «Исповѣданіе Жеманихи» можно смѣло сопоставить съ лучшими страницами сатирическихъ журналовъ, осмѣивавшихъ галломанію въ области языка и проникновеніе въ русскую рѣчь новоманерныхъ

---

[1]) Ср. статью о воспитателяхъ, помѣщенную въ журналѣ „Вечера", гдѣ попадаются, между прочимъ, такія мысли: „Можно признаться, что мы черезъ французскій языкъ, а не черезъ французскихъ учителей, новыя пріобрѣли знанія, возстановили хорошій вкусъ къ литературѣ... Но по какому-то непонятному пристрастію къ уроженцу Парижскому или другого города древнихъ галловъ, мы надѣемся въ каждомъ изъ сихъ гостей, которые въ наше отечество втираются, находить сію великость духа, остроту разума и справедливость сердца, какимъ въ ученыхъ и преславныхъ французахъ дивимся". Аѳанасьевъ, „Русскіе сатирическіе журналы", стр. 184.

словъ. «Жеманиха», побывавшая въ Парижѣ и пересыпающая свое посланіе такими выраженіями, какъ «courage, mon coeur», «petite santé», «menus plaisirs», «grand jour», «hors de la tête» и т. д.,—родная сестра фонвизинскаго Иванушки [1]).

Понятно, что рука объ руку съ обличеніемъ галломаніи въ сферѣ языка, въ русской поэзіи того времени шла убѣжденная защита родной рѣчи, для которой поэты вродѣ Сумарокова или Кострова, естественно, требовали болѣе почетнаго мѣста среди предметовъ преподаванія, считавшихся тогда обязательными, чтобы стать вполнѣ образованнымъ юношею, возмущаясь развязнымъ обращеніемъ съ нею даже людей, воображавшихъ себя писателями... Въ эпистолѣ «О русскомъ языкѣ» автору «Хорева» пришлось доказывать современникамъ необходимость бережнаго обращенія съ роднымъ языкомъ, вниманія и осторожности при переводѣ съ французскаго или нѣмецкаго, употребленія мѣткихъ, подходящихъ словъ и оборотовъ. Въ эпистолѣ «О стихотворствѣ» Сумароковъ опять горячо вступается за права русскаго языка, заканчивая эпистолу, которая обнаруживаетъ, кстати сказать, обширную начитанность автора, замѣчательными словами:

Лишь просвѣщеніе писатель дай уму,—
Прекрасный нашъ языкъ способенъ ко всему!

Костровъ въ «Письмѣ къ творцу оды, сочиненной въ похвалу Фелицѣ, царевнѣ киргизъ-кайсацкой», восхваляетъ Державина за умѣніе обращаться съ русскимъ языкомъ, схватывать его духъ, «простотой себя средь насъ вознесть». Русскій языкъ названъ здѣсь «важнымъ, сладкимъ, обильнымъ, гремящимъ, высокимъ, текущимъ» [2]). Это цѣлый диѳирамбъ русской рѣчи, вдвойнѣ любопытный, если вспомнить, что онъ относится къ той порѣ,

---

[1]) „Русская поэзія“, IV, 751—2.
[2]) „Русская поэзія“, II, 331.

когда лица, вродѣ фонвизинской Совѣтницы, употребляли въ разговорѣ такія фразы, какъ «мериты должны быть всегда респектованы», «я, сударь, дискуру твоего не понимаю», «вамъ время себя этаблировать» и т. д., и томились необходимостью прибѣгать въ общежитіи къ русской рѣчи, казавшейся имъ грубой и невыразительной. Изъ многочисленныхъ примѣровъ заступничества за русскій языкъ можно здѣсь сослаться еще на одно мѣсто изъ посланія къ Екатеринѣ II Петрова, гдѣ стихотворецъ восхваляетъ императрицу за то, что «ея разсудливый слухъ не оскорбляется рѣчію славянъ», что, напротивъ того, она всегда готова поддержать русскаго писателя, оцѣнить его творчество, произнести безпристрастный приговоръ относительно его слога.

Но безпорядочное, ввѣренное зачастую невѣжественнымъ, безнравственнымъ и во всякомъ случаѣ чуждавшимся русской жизни лицамъ воспитаніе и путешествія молодыхъ людей за границу, безъ всякой системы и руководства, имѣли своими послѣдствіями не одно только пренебрежительное отношеніе къ родному языку, вызывавшее оживленные протесты среди русскихъ писателей елисаветинской и екатерининской эпохи... Недоучившіеся, полу-образованные русскіе люди, не постигшіе истиннаго смысла культуры, слишкомъ часто склонны были ударяться въ рабское подражаніе заграничнымъ модамъ, разыгрывать изъ себя петиметровъ, усвоивать легкій или циничный взглядъ на нравственные вопросы [1]). Намъ опять невольно вспоминаются журналы прошлаго вѣка, которые такъ безпощадно осмѣивали щеголей и кокетокъ, проводящихъ цѣлые часы за своимъ туалетомъ, заботящихся, прежде всего, о костюмѣ и прическѣ. Иногда, конечно, эти забавные персонажи получали въ освѣщеніи русскихъ журналовъ нѣсколько каррикатурный оттѣнокъ, —

[1]) См. статью В. Стоюнина, „А. П. Сумароковъ",—„Музыкальный и Театральный Вѣстникъ" 1856 г., № 39; „Русскіе сатирическіе журналы" Аѳанасьева.

но, въ общемъ, они все же были выхвачены изъ окружающей жизни, изобиловавшей такими типами, которые прямо просились на страницы «Живописца», «Кошелька», «Всякой Всячины» или «Поденьшины». Русская поэзія и въ этомъ случаѣ сказала свое слово, хотя ея насмѣшки и обличенія обыкновенно недостаточно принимаются во вниманіе. Здѣсь можно вспомнить, напримѣръ, притчу Сумарокова «Уборка головы», гдѣ поэтъ, идя по стопамъ Кантемира, смѣется надъ петиметрами, которые «снаружи головы снабжаютъ, внутри головъ не наряжаютъ», спрашиваетъ себя: «иль мозгъ ненадобнѣй волосъ?» и съ ироніей отзывается о своемъ времени, когда «стали разума почтеннѣе наряды» [1]. Александръ Аблесимовъ въ баснѣ «Волокита» выводитъ щеголя и дамскаго кавалера, который «по модѣ всегда себя вести старался, по модѣ убирался, духъ влюбчивый имѣлъ» и ставилъ единственною цѣлью своей жизни легкія побѣды надъ женскими сердцами и заботу объ изысканности костюма [2], Съ «Волокитой» можно сопоставить начало другой басни Аблесимова «Ошибка или острый отвѣтъ мошенниковъ господину». Въ сатирѣ «На петиметра и кокетокъ» Елагина мы находимъ недурную жанровую картинку,—туалетъ типичнаго петиметра, которому умѣніе одѣться кажется настоящею наукою. Онъ цѣлый часъ размышляетъ о томъ, гдѣ ему всего лучше налѣпить себѣ мушку, завиваетъ волосы,—«разженной сталію главу съ висками жжетъ»,—возится со всякими помадами и «благовонными водами», огорчается недостаточною бѣлизною своего лица, хочетъ непремѣнно «прицѣпить къ эфесу шпажному фигурными узлами» ленточку, данную какою-то кокеткою, и полъ дня затѣмъ размышляетъ о томъ, «по вкусу ли одѣтъ» [3]. Ни-

---

[1]) Притчи Сумарокова, кн. 5-я, XXIV.

[2]) „Русская поэзія“, IV, 697.

[3]) „Русская поэзія“, IV, 722. См. также статью барона Н. В. Дризена: „Ив. Перфильевичъ Елагинъ (1725—1794)“. „Русская Старина“, 1893 г., октябрь.

какихъ умственныхъ запросовъ, ни тѣни истинной культурности нѣтъ у елагинскаго петиметра, уродливо воспитаннаго, почти необразованнаго, ничѣмъ не интересующагося, кромѣ своей персоны. Довольно забавную выходку противъ французскихъ модъ, съ ихъ крайнею неустойчивостью, можно отмѣтить у Княжнина въ его стихотвореніи «Живописецъ въ полону». Какой-то алжирскій дей, разсказывается въ этомъ стихотвореніи, взявъ въ плѣнъ художника, заставилъ его расписать стѣны своего дворца, покрыть ихъ картинами, изображающими представителей различныхъ націй. Художникъ исполнилъ заказъ, и нарисовалъ турокъ, грековъ, испанцевъ, итальянцевъ, англичанъ, нѣмцевъ въ ихъ національныхъ костюмахъ, француза же изобразилъ «нагимъ и босикомъ, съ некроеннымъ въ рукахъ сукномъ». На вопросъ удивленнаго дея, почему онъ нарисовалъ француза безъ всякаго костюма, художникъ отвѣчаетъ:

Солгать предъ вашимъ я могуществомъ не смѣлъ.
Не какъ всѣ прочіе народы,
Французы всякій день перемѣняютъ моды;
Какая же теперь, я этого не зналъ!

Это—одна изъ тѣхъ смѣшныхъ, но не глубокихъ шутокъ и сатирическихъ выходокъ, которыми иногда точно забавлялись русскіе стихотворцы прошлаго вѣка среди своей вполнѣ серьезной борьбы противъ полу-образованности и рабскаго служенія модѣ!.. Для полноты обзора здѣсь можно упомянуть и объ одномъ отрывкѣ изъ «Стиховъ на качели» Чулкова, осмѣивающемъ петиметровъ, которые «мажутся пахучими водами», «гнутъ волосы въ крючки», «румянъ и горсть бѣлилъ бросаютъ по щекамъ» [1]).

Съ еще большимъ жаромъ обличала русская поэзія второй половины прошлаго вѣка распущенность, цинич-

[1]) Ср. статью „Смѣющійся Демокритъ“ въ „Живописцѣ“. Спб., 1793, изд. 5-е, стр. 159.

ные взгляды на нравственные вопросы и ослабленіе семейныхъ узъ, видя въ этомъ, подобно авторамъ «Бригадира» или «Модной лавки», одно изъ послѣдствій уродливаго воспитанія, не прививавшаго молодому поколѣнію никакихъ твердыхъ нравственныхъ принциповъ. Даже въ такомъ произведеніи, какъ майковскій «Елисей», отнюдь не преслѣдовавшемъ, конечно, какихъ-либо моральныхъ цѣлей, есть выходка противъ «модныхъ женъ», которыя обманываютъ своихъ мужей, заводятъ любовныя интриги, чуть не хвастаются своею распущенностью,—«мужья всѣ простаки, владѣютъ жены ими»... [1]). Въ упомянутомъ уже нами аблесимовскомъ «Волокитѣ» обличается некрасивый образъ дѣйствій безсердечныхъ кокетокъ, которыя обираютъ своихъ поклонниковъ, заставляя ихъ тратить кучу денегъ для своего удовольствія, а потомъ преспокойно указываютъ имъ на дверь. «Неудача» того же автора, переносящая мѣсто дѣйствія во французскую модную лавку, куда господа ѣздятъ «сколько ради покупанья, вдвое больше для свиданья» (мы невольно вспоминаемъ крыловскую пьесу), заключаетъ въ себѣ еще болѣе рѣзкія обличенія низкаго уровня нравственности, различныхъ пошлыхъ, отталкивающихъ явленій окружающей жизни и недостойныхъ уловокъ, къ которымъ прибѣгали «манерщицы»,—по выраженію автора «Мельника»,—чтобы завлекать молодыхъ людей въ свои сѣти [2]). «Модныхъ женъ» осмѣиваетъ и княгиня Дашкова, у которой подобная жена обращается къ мужу съ слѣдующею характерною просьбою:

Позволь мнѣ помахать; хоть я жена твоя,
Да хочется пожить въ пріятной мнѣ свободѣ
И свѣту показать, что мы живемъ по модѣ.
Любовникъ мой тебѣ, конечно, будетъ другъ,
Всегда тебѣ готовъ для дружескихъ услугъ.
. . . .

---

1) „Елисей или раздраженный Вакхъ“, пѣснь 1-ая.
2) „Русская поэзія“, IV, 703.

Вѣдь вѣрность наблюдать, конечно, préjugé,
И вѣрность въ женщинѣ не глупости ли знакъ [1])?

У Княжнина въ «Исповѣданіи жеманихи» побывавшая въ Парижѣ и щеголяющая новоманерными словами и понятіями дама, уже не первой молодости, отзывается о своемъ мужѣ насмѣшливо и снисходительно, какъ о добромъ, но глуповатомъ и простодушномъ, ничего не замѣчающемъ существѣ:

Подумай,—мужъ мой мнѣ не такъ несносенъ сталъ;
По чести, онъ меня не менѣе забавилъ,
Не менѣе вчера увеселилъ,
Какъ попугай, которымъ подарилъ
Меня... да полно, ты не знаешь,
Изъ чьихъ мнѣ рукъ достался попугай;
А если понимаешь,
Пожалуй, не болтай! [2]).

Гораздо болѣе яркими красками обрисовываетъ деморализацію окружающаго общества Николевъ въ цитированной нами «Сатирѣ на развращенные нравы нынѣшняго вѣка»; здѣсь, на ряду съ нападками на галломанію въ области языка, презрѣніе къ русской рѣчи, уродливое воспитаніе и безцѣльныя путешествія, мы находимъ обличеніе безнравственныхъ щеголей и вертопраховъ, которые постоянно заняты какими-нибудь любовными исторіями, а при случаѣ не прочь обобрать дочиста безумно влюбившуюся въ нихъ женщину, особенно, если она уже принадлежитъ къ разряду «кокетокъ старыхъ, поддѣланныхъ Прелестъ»,—и утратившихъ самую элементарную скромность женщинъ, которыя бѣгаютъ за моднымъ кавалеромъ, только что вернувшимся изъ-за границы, льстятъ ему въ глаза, стараются привлечь его вниманіе. Во всѣхъ подобныхъ сатирическихъ картинкахъ и обличеніяхъ, конечно, нерѣдко краски слишкомъ сгущены; русское общество второй половины прошлаго столѣтія оказывается

---

[1]) Кн. Дашкова, „Посланіе къ слову *такъ*“.

[2]) Сочиненія Я. Б. Княжнина, изданіе 3-е, Спб., 1817 г.

тутъ деморализованнымъ до мозга костей, чуть ли не утратившимъ какіе-либо нравственные принципы!... Но по сатирамъ, конечно, никогда нельзя себѣ составить вполнѣ точнаго понятія о характерѣ извѣстной эпохи, потому что сатирикъ невольно выдвигаетъ на первый планъ однѣ дурныя стороны, умалчивая о хорошихъ, со вздохомъ вспоминаетъ иногда про доброе старое время, противопоставляя его современности, прибѣгаетъ къ смѣлымъ обобщеніямъ, старается выставить ненавистные ему пороки и недостатки въ возможно болѣе отталкивающемъ или комическомъ свѣтѣ. Все сказанное относится и къ русскимъ обличителямъ прошлаго вѣка; но, несомнѣнно, что въ основѣ ихъ сатирическихъ оцѣнокъ жизни и людей лежала подлинная дѣйствительность. Полу-образованное, дурно воспитанное общество, еще не разгадавшее истиннаго смысла культуры, всегда нѣсколько склонно принимать распущенность и легкій взглядъ на правила нравственности за послѣднее слово цивилизаціи. Любопытно только, что русская поэзія обратила особенное вниманіе на легкомысліе и безпринципность женщинъ,— хотя оба пола могли поспорить въ этомъ отношеніи... Только Николевъ, какъ мы сейчасъ видѣли, одинаково нападаетъ и на мужчинъ, и на женщинъ за ихъ «развращенные нравы».

Подобно тому, какъ, вооружаясь противъ невѣжества, русскіе стихотворцы прославляли истинное просвѣщеніе и привѣтствовали всѣ начинанія правительства, направленныя къ распространенію образованности,—обличая дурное воспитаніе и его гибельныя послѣдствія, они выражали сочувствіе всѣмъ мѣрамъ Екатерины, имѣвшимъ цѣлью положить начало разумному воспитанію, бороться съ вліяніемъ среды, остатками старинной грубости нравовъ и пагубнымъ воздѣйствіемъ «французскихъ поваровъ или съ галеръ клеймомъ означенныхъ воровъ».

Вспомнимъ, что это была та эпоха, когда еще вѣрили въ возможность создать «новую породу людей» или, по вы-

раженію Княжнина, «человѣчество упадшее возвести воспитаніемъ на степень человѣчества», когда Бецкій составлялъ по порученію императрицы и при несомнѣнномъ участіи Княжнина, бывшаго его секретаремъ [1]), такіе документы, какъ «Генеральное учрежденіе о воспитаніи обоего пола юношества» и «Планъ воспитательнаго дома», когда сама императрица въ «Инструкціи кн. Салтыкову» или сказкахъ о царевичѣ Февеѣ и царевичѣ Хлорѣ отстаивала необходимость «умонаклоненія къ добру», скептически отзывалась о пользѣ наказаній и запугиванія дѣтей и, слѣдуя взглядамъ Локка, придавала наибольшее значеніе гуманному воздѣйствію на дѣтскую душу, кроткому обращенію съ дѣтьми, развитію въ нихъ чувства стыда, любви къ истинѣ, добронравія [2]). Дикимъ воззрѣніямъ на педагогическіе вопросы Скотининыхъ, Простаковыхъ и имъ подобныхъ теперь противопоставлялись совершенно новые идеалы, проникнутые гуманнымъ духомъ эпохи. Понятно, что русскіе писатели, такъ много потрудившіеся въ борьбѣ противъ дореформеннаго воспитанія, невѣжества и ложной образованности, должны были высказать въ своихъ сочиненіяхъ сочувствіе Екатеринѣ за ея заботы о созданіи новой породы людей, подобно тому, какъ они воспѣвали и другія законодательныя мѣры императрицы, отражали въ своихъ одахъ и трагедіяхъ благородныя и человѣчныя идеи «Наказа», торжественно заявляли, что монархъ, посвящающій всѣ свои силы благу народа, «достоинъ алтарей». Литературныя произведенія той эпохи нерѣдко являются, такимъ образомъ, какъ бы иллюстраціями или комментаріями къ оффиціальнымъ документамъ и мѣропріятіямъ правительства. Стародумъ въ

---

1) См. біографическій очеркъ Княжнина, приложенный къ изданію его сочиненій (Спб., 1817, т. 1) и нашу статью: „Изъ прошлаго русской драмы. Я. Б. Княжнинъ и его трагедіи". „Артистъ", 1894, августъ.

2) См. статью П. Щебальскаго: „Драматическія и нравоописательныя сочиненія Екатерины II" („Русскій Вѣстникъ", 1871, кн. 5—6).

«Недорослѣ»,—чтобы не ходить далеко за примѣрами,—является глашатаемъ педагогическихъ теорій Екатерины во многихъ знаменитыхъ своихъ тирадахъ общаго характера, вродѣ, напримѣръ, слѣдующихъ: «Чѣмъ умомъ величаться, другъ мой! Умъ, коль онъ только что умъ,—самая бездѣлица. Съ пребѣглыми умами видимъ мы худыхъ мужей, худыхъ отцовъ, худыхъ гражданъ. Прямую цѣну уму даетъ благонравіе. Безъ него умный человѣкъ — чудовище». «Какого воспитанія ожидать дѣтямъ отъ матери, потерявшей добродѣтель? Какъ ей учить ихъ благонравію, котораго въ ней нѣтъ?...» «Я желалъ бы, чтобы при всѣхъ наукахъ не забывалась главная цѣль всѣхъ знаній человѣческихъ,—благонравіе. Просвѣщеніе возвышаетъ одну добродѣтельную душу. Я хотѣлъ бы, напримѣръ, чтобы при воспитаніи сына знатнаго господина наставникъ его всякій день разогнулъ ему исторію и указалъ ему въ ней два мѣста: въ одномъ, какъ великіе люди способствовали благу своего отечества, въ другомъ, какъ вельможа недостойный, употребившій во зло свою довѣренность и силу, съ высоты пышной своей знатности низвергся въ бездну презрѣнія и поношенія». «Великій государь есть государь премудрый. Слава премудрости его та, чтобъ править людьми, потому что управляться съ истуканами—нѣтъ премудрости. Достойный престола государь стремится возвысить души своихъ подданныхъ. *Мы это видимъ своими глазами»* [1]). Несомнѣнно, отражаетъ въ себѣ нѣкоторыя изъ числа главныхъ идей, положенныхъ въ основу трактатовъ Екатерины и ея сотрудника Бецкаго, и слѣдующее мѣсто изъ «драмы въ трехъ дѣйствіяхъ, съ хоромъ и балетомъ въ концѣ представленія» «Славяне», Ипполита Богдановича: *Александръ.* Что у васъ дѣлаютъ тѣ, которые къ полезнымъ трудамъ не имѣютъ прилежанія? *Русланъ.* Тѣмъ бываетъ у насъ стыд-

---

[1]) Сочиненія, письма и избранные переводы Д. И. Фонвизина, изд. подъ редакціей П. А. Ефремова. Спб., 1856.

но. *Александръ.* А тѣ, которые стыда не имѣютъ? *Русланъ.* Въ нашей землѣ не родятся безстыдные, а еслибы когда и родились, то ихъ въ познаніи стыда мы воспитываемъ. *Александръ.* Поэтому у васъ не бываетъ ни преступленій, ни наказаній, и многія несчастія другихъ народовъ вамъ невѣдомы? *Русланъ.* Добро и зло вмѣстѣ вездѣ бываетъ; вездѣ родятся люди благоразумные и безтолковые; и у насъ бываютъ люди несчастные, когда сами не хотятъ быть благополучными,—но у насъ такихъ исправляютъ часто кроткими образами, не поставляя ихъ глупостей имъ въ преступленіе [1]). Примѣровъ такой поддержки педагогическимъ проектамъ Екатерины со стороны литераторовъ того времени можно было бы, конечно, привести очень много. Эта поддержка является только частнымъ случаемъ той тѣсной связи, которая вообще существовала тогда между литературою и жизнью, несмотря на всѣ условности и различные искусственные пріемы, все еще бывшіе въ модѣ и, главнымъ образомъ, привитые ложнымъ классицизмомъ.

Если мы ограничимъ нашъ обзоръ одними стихотворными произведеніями, мы все же должны будемъ отмѣтить много любопытнаго. Въ одной изъ своихъ одъ (1781 года) Костровъ, сравнивъ юность съ «конемъ не укрощеннымъ, отважнымъ, гордымъ, надменнымъ, свирѣпымъ, не любящимъ преградъ, ни заклепъ», прославляетъ, напримѣръ, заботы Екатерины о воспитаніи молодого поколѣнія:

Но, чтобъ сей юности кипящей
Стремленье въ благо обратить,
И, обществу для пользы вящей,
Ей истины стези явить,
Повсюду зрятся новы домы,
Благоутробіемъ блюдомы,
Гдѣ нравовъ добрыхъ красота
Младымъ сердцамъ себя являетъ.

---

[1]) Собраніе сочиненій и переводовъ Ипполита Ѳедоровича Богдановича. Спб., 1809, стр. 73—74.

Петровъ въ «Одѣ на заключеніе съ оттоманскою Портою мира» прославляетъ основаніе воспитательнаго дома («Отверзи въ жизнь младенцамъ двери, что гонитъ въ гробъ родившихъ студъ»), а въ другомъ случаѣ онъ выражаетъ ту мысль, что для Екатерины «число домовъ сиротскихъ—замѣна пирамидъ, воздвиженье училищъ—державы честь и твердь» [1]. И, какъ въ защиту образованія и просвѣщенія писали, на ряду съ болѣе извѣстными и популярными стихотворцами прошлаго вѣка, также и менѣе замѣтные труженики литературы, такъ и реформа воспитанія нашла убѣжденнаго панегириста въ лицѣ такого писателя, какъ Семенъ Нарышкинъ, превозносившаго Екатерину за всѣ ея мѣропріятія въ этомъ направленіи. Въ своей «Эпистолѣ» онъ прославляетъ блага истиннаго воспитанія, которое возвышаетъ душу, дѣлаетъ людей справедливыми, безпристрастными, честными, довольными своею судьбою:

Сіе то счастіе вы видите предъ вами,
О, отроки! его достигнете вы сами,
Коль воспитанію потщитеся внимать.
Старайтеся сей долгъ монархинѣ отдать!
Сей долгъ, мнѣ кажется, во ономъ только зрится,
Чтобъ намъ трудовъ ея достойными явиться.
И ты, прелестный полъ, краса Россіи всей,
Ликуй и веселись, во радости своей...
. . . .
Красавицы! она (Россія) прелестныхъ васъ рождаетъ,
Екатерина же васъ нынѣ совершаетъ.
Красы душевныя она вливаетъ въ васъ.
Прекрасны нынѣ вы, прелестны вы у насъ,—
Прелестнѣе еще тогда себя явите,
Какъ воспитаніе вы ею получите.

Это знаменательное прославленіе воспитанія женщинъ сближаетъ «Эпистолу» Нарышкина съ сумароковскимъ «Хоромъ къ превратному свѣту», гдѣ заморская страна хвалится, между прочимъ, и за то, что тамъ «учатся и

[1] „Русская поэзія", II, 320, 369, 370.

дѣвки», и женское образованіе не считается чѣмъ-то безполезнымъ или даже вреднымъ; здѣсь мы, несомнѣнно, можемъ предполагать извѣстное вліяніе Сумарокова на Нарышкина, помѣстившаго въ сумароковской «Трудолюбивой Пчелѣ» нѣсколько стихотвореній. Нарышкинъ касается далѣе въ своей «Эпистолѣ» вопроса о воспитательныхъ домахъ, затронутаго и Петровымъ:

И ты, несчастный плодъ, кой часто рокъ каралъ,
И при рожденіи зѣвъ смерти пожиралъ!
Живи и не примай безвинно лютой казни;
Россія мать тебѣ, — будь въ ней ты безъ боязни!

Но всего замѣчательнѣе въ этомъ, мѣстами неискусно написанномъ, но интересномъ по содержанію стихотвореніи тѣ строки, въ которыхъ отразилась увѣренность автора въ скоромъ наступленіи золотого вѣка, когда воспитаніе дастъ обильные плоды, уровень общественной нравственности повысится, и «новая порода людей» выступитъ на первый планъ:

Монархиня! когда сіе воображаю,
И во умѣ тогда Россію представляю,
Какъ взысканные всѣ тобою возрастутъ
И съ воспитанія себѣ плоды сберутъ,
Въ какой восторгъ меня мысль оная приводитъ!
Мой духъ все новое, все лучшее находитъ.
Свирѣпства, звѣрскости оставитъ весь народъ,
И человѣчество узнаетъ смертныхъ родъ.
О, райски времена! счастливая судьбина!
Какихъ достойна ты похвалъ, Екатерина! [1])

Отъ этихъ строкъ, хотя мы ихъ находимъ въ стихотвореніи, имѣющемъ оффиціозный характеръ, уснащенномъ риторическими оборотами, возгласами, условными сравненіями, высокопарными эпитетами, вѣетъ оптимизмомъ, твердою вѣрою въ людей, въ способность человѣческой натуры совершенствоваться и перерождаться и, пожалуй, нѣсколько наивною, съ современной точки зрѣнія.

[1]) „Русская поэзія“, VI, 322.

но прекрасно характеризующею духъ той эпохи надеждою на скорое начало «райскихъ временъ» и «счастливой судьбины»,—какъ будто до этого не должно было смѣниться много поколѣній, какъ будто «новая порода» могла создаться въ какія-нибудь 10—15 лѣтъ!.. Но не будемъ черезчуръ иронизировать надъ легковѣріемъ и оптимистическими мечтаніями русскихъ стихотворцевъ прошлаго вѣка. Въ ихъ увлеченіяхъ и смѣлыхъ надеждахъ много симпатичнаго и благороднаго; сочувствіе разумно понятому европейскому просвѣщенію, ненависть къ невѣжеству, полуобразованности, суевѣріямъ, грубымъ и жестокимъ нравамъ, распущенности, безсмысленному щегольству, прославленіе новыхъ, болѣе широкихъ и здравыхъ взглядовъ на воспитаніе дѣлаютъ ихъ поэтическую проповѣдь понятною и для русскихъ людей конца XIX столѣтія. Сумароковъ, Майковъ, Петровъ, Княжнинъ, Николевъ, Поповскій и другіе стихотворцы сходятся во многомъ съ просвѣщенными, гуманно настроенными русскими писателями новѣйшаго времени. Есть извѣстныя общія пожеланія, идеалы и требованія отъ жизни, которые сближаютъ между собою представителей различныхъ эпохъ, различныхъ столѣтій. Подобно поэтамъ прошлаго вѣка, мы всѣ признаемъ, что «безъ просвѣщенія напрасно все старанье», вѣримъ въ то, что «прекрасный нашъ языкъ способенъ ко всему», что «воздвиженье училищъ—державы честь и твердь», мечтаемъ о томъ времени, когда «свирѣпства, звѣрскости оставитъ весь народъ» «нравовъ добрыхъ красота» будетъ привлекать сердца людей, и всѣ кругомъ насъ «съ воспитанія себѣ плоды сберутъ».

